

ВЗГЛЯДЫ СОВРЕМЕННЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ УЧЕНЫХ НА ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЗДНЕГО СССР

В этом докладе автор рассказывает о взглядах современных зарубежных историков, экономистов и политологов на экономические проблемы позднего СССР. Считается, что реакция на эти проблемы привела к экономическим и политическим реформам, которые в конечном итоге сформировали Российскую Федерацию такой, какова она сейчас. Но был ли диагноз поставлен правильно? Современные зарубежные исследователи предложили ряд собственных интерпретаций экономических проблем позднего СССР, которые в чем-то пересекаются, а в чем-то противоречат друг другу. Каждый видит какие-то свои важные факторы, но игнорирует другие. В значительной степени расхождения предопределяются предыдущей исследовательской деятельностью и ранее сформировавшимися взглядами. Поскольку эти взгляды и опыт различаются, то единая позиция в таком сложном вопросе становится невозможной. Тем не менее, в каждом направлении можно найти полезные идеи, или как минимум обоснованные причины задуматься о необходимости дополнительного изучения казалось бы уже давно установленных фактов. Например, каковы на самом деле были причины падения совокупной производительности факторов производства. Другой пример полезной идеи, которую нужно развивать дальше – необходимость изучать происходившие в элите процессы. Надо признать, что для развития экономики элита имеет значение. Изучение взглядов зарубежных авторов помогает выявления «структур когнитивности», формирующих объяснения прошлых событий, и в том числе «слепых пятен», то есть тех очевидных явлений или процессов, которые воспринимаются как несуществующие. Такие слепые пятна неизбежны и у российских, и у зарубежных авторов, и сравнение взглядов дает шанс их увидеть и у тех, и у других.

Ключевые слова: экономическая история СССР, распад СССР, плановая экономика, социализм, рыночные реформы, институты, элиты, бюрократия.

Классификация JEL: P2, P20, P21, P27, P3.

A.Ju. Ermolov

THE VIEWS OF MODERN FOREIGN SCIENTISTS ON THE ECONOMIC PROBLEMS OF THE LATE USSR

In this report, the author describes the views of modern foreign historians, economists and political scientists on the economic problems of the late USSR. It is believed that the reaction to these problems led to economic and political reforms that eventually formed the Russian Federation as it is now. But was the diagnosis made correctly? Modern foreign researchers have proposed a number of their own interpretations of the economic problems of the late USSR, which in some ways overlap and in some ways contradict each other. Everyone sees some important factors, but ignores others. These differences are determined by previous research activities and previously formed views. Since these views and experiences differ, a unified position on such a complex issue becomes impossible. Nevertheless, each position can have useful ideas, or at least some reasons to think again about the need for additional study of seemingly long-established facts. For example, what were the actual reasons for the decline in aggregate factor productivity? An example of a useful idea that needs to be developed further is the need to study the processes that took place in the elite. We must admit that the elite is important for the development of the economy. Studying the views of foreign authors helps identify "cognitive structures" that create explanations for past events, and "blind spots", that is, those obvious phenomena or processes that are perceived as nonexistent. Such blind spots are unavoidable for both Russian and foreign authors, and a comparison of views gives a chance to see them in both.

Keywords: Economic history of the USSR, collapse of the USSR, planned economy, socialism, market reforms, institutions, elites, bureaucracy.

JEL Classification: P2, P20, P21, P27, P3.

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ.....	3
МЕЙНСТРИМ.....	5
ТРАДИЦИОННЫЙ РЕВИЗИОНИЗМ.....	10
КИТАЙСКИЕ МАРКСИСТЫ.....	14
НЕОРЕВИЗИОНИЗМ РОБЕРТА АЛЛЕНА.....	16
ПОСТИНДУСТРИАЛИЗМ.....	21
НЕОИНСТИТУЦИОНАЛИЗМ.....	26
ЭЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД.....	28
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	33
ЛИТЕРАТУРА.....	34

ВВЕДЕНИЕ

Одной из актуальных проблем изучения экономической истории России остается состояние экономики позднего СССР¹. Реакция на это состояние, как принято считать, запустила цепочку реформ, начатую реформой Косыгина-Либермана (а, возможно, ещё ранее реформой совнархозов). Эта цепочка реализованных и нереализованных реформ в конечном итоге привела к экономически преобразованиям 1990-х годов, которые, в свою очередь, определили нынешний облик страны. Но был ли тогда правильно поставлен диагноз? Возможно, большую советскую экономику лечили не так и не от того, от чего требовалось? Если мы хотим обсуждать экономические реформы второй половины прошлого века, то этот вопрос требует ответа.

Отстраненность от явления, географическая, временная и эмоциональная, может дать полезный эффект. Для иностранных ученых история позднего СССР это лишь некий научный факт, который уже не имеет какого-то политического значения (хотя, конечно, и их нельзя считать абсолютно нейтральной стороной, так как часть из них успела принять участие в идеологических баталиях Холодной войны). Для нас, жителей России, история позднего СССР ещё остается частью нашей собственной жизни. Большинство авторов, писавших в России на эту тему, так или иначе были вовлечены в происходившие тогда события, и их работы в силу этого не поддаются различению, находятся перед нами мемуары или же научные исследования. Типичный пример – широко известная книга Е.Т. Гайдара «Гибель империи»². У таких авторов имеется в рукаве козырь, они могут апеллировать к некоему личному опыту, но для научного исследования этот козырь превращается в слабое место, так как этот опыт невозможно верифицировать другим исследователям, его можно только принимать на веру или так же на веру отвергать. Никто не будет спорить с тем, что тот же Е.Т. Гайдар был очень информированным человеком, но при этом вряд ли найдется кто-то, готовый доверять всему, что он писал, в том числе и его объективности при подборе цитат из источников.

Следует переходить к беспристрастному изучению истории позднего СССР на основе комплексного изучения архивных документов. К сожалению, это медленный процесс. И, по моим личным впечатлениям, в читальных залах архивов советской эпохи на двух иностранных исследователей приходится один местный. Разумеется, знакомство с советскими архивами ещё не означает, что исследователь непременно выдвинет какие-то интересные идеи. И, конечно, было бы ошибкой считать, что интересные идеи не может высказать автор, не изучавший советские

¹ Поздний СССР автор понимает как период 1960-х – 1980-х годов, границы которого несколько размыты, поскольку размыты и сами социально-экономические процессы, которые редко можно привязать к каким-то историческим событиям. Центральной его частью, где характеристики эпохи проявились наиболее ярко, можно считать время правления Л.И. Брежнева. Но многие особенности, в том числе экономические проблемы, начали проявляться несколько раньше. Что же касается периода перестройки, то с точки зрения экономических проблем это было обострение уже имевшихся негативных тенденций, осложненное, впрочем, тем вкладом, который внесла политика М.С. Горбачева.

² Гайдар Е.Т. Гибель империи: уроки для современной России. М.: РОССПЭН, 2006.

документы непосредственно. Но все равно складывается впечатление, что научное изучение нашей недавней истории более интересно зарубежным, а не отечественным исследователям. И это при том, что интерес к советской истории у зарубежного научного сообщества, если судить по публикациям, сильно упал.

Падение этого интереса было вполне естественным после гибели советской сверхдержавы. Причем сильнее всего «пострадал» именно поздний СССР, тогда как сталинский период сохранил определенную притягательность для исследователей. Лишенный столь явного и драматичного трагизма поздний СССР плохо подходит даже для того, чтобы быть негативным примером (с этим лучше справляется загадочная Северная Корея). Что же касается его экономических проблем, то на них обращают внимание только в более широком контексте. Это либо часть большого нарратива о советской истории, либо продолжение рассказа о судьбе сталинской экономики. И в том, и в другом случае интересующая нас проблематика занимает второстепенные позиции. Но это не значит, что в этих работах не может быть высказано интересных идей, продуктивных хотя бы с точки зрения критической полемики, а может быть даже и как указатель направления дальнейших научных поисков. Кроме того, изучение этих взглядов может быть полезно с точки зрения выявления «структур когнитивности», формирующих объяснения прошлых событий, и в том числе «слепых пятен», то есть тех очевидных явлений или процессов, которые воспринимаются как несуществующие. Такие слепые пятна неизбежны и у российских, и у зарубежных авторов, и сравнение взглядов дает шанс их увидеть и у тех, и у других³.

Часть авторов, об идеях которых будет идти речь, продолжала развивать старые, сформировавшиеся ещё до падения СССР концепции. Для западной советологии это были два противостоящих друг друга течения: «тоталитарная» школа (название не совсем удачное, так как её сторонники не поддерживали тоталитаризм, а, наоборот, активно выступали за борьбу с ним) и ревизионизм, который в данном случае означал ревизию взгляда на СССР как тоталитарное государство. К этой же части следует отнести китайских марксистов, которые продолжили рассматривать историю позднего СССР как результат отхода от марксизма, произошедшего во времена Хрущева. В новых условиях этим авторам нужно было отчасти подтвердить правоту своих взглядов, отчасти – откорректировать их, используя новую доступную информацию, в том числе архивные источники. Некоторые из них, как мы увидим, в целом остались на прежних позициях, другие же пошли на серьезную модификацию своих концепций. Так, например, Мартин Малиа сосредоточился на доказательстве того, что «тоталитарная» школа всё-таки была права в своих оценках, а Пол Грегори, исходно занимавший позиции, близкие к «тоталитарной» школе, сильно видоизменил свою концепцию, учитывая тот богатый фактический материал, с которым он ознакомился в российских архивах. Моше Левин же, хотя и уделил

³ Ореховский П.А. Структуры когнитивности и российские реформы. М.: Институт экономики РАН, 2019. С. 29-30.

время изучению советских документов, в целом изложил в своей книге всё те же взгляды, характерные для ревизионистского направления во времена его расцвета.

Другая группа авторов предлагает новые концепции. Иногда они лежат в русле старых течений. Так, взгляды Роберта Аллена и Арча Гетти отчасти можно считать продолжением ревизионистской традиции (в основном за то, что оба они хотят пересмотра господствующих в науке взглядов), хотя их объяснительные модели уже совсем иные, что может продемонстрировать их сравнение с «классическим» ревизионистом Левином. Но в целом эта группа предлагает искать корни проблемы не там, где их искали раньше: в глобальных и локальных структурных сдвигах, в устройстве инновационного механизма, в политическом и экономическом поведении элиты и т.д.

МЕЙНСТРИМ

Если можно говорить о какой-то мейнстрим-позиции по отношению к экономической истории позднего СССР, то её можно определить как фигуру умолчания. Незачем тратить время на изучение этого вопроса, потому что социалистическая экономика с самого начала была обречена на провал.

Здесь, конечно, есть некий элемент лукавства, поскольку такая «фигура умолчания» позволяет избежать постановки некоторых неудобных вопросов. В частности, если мейнстримные западные экономические теории так хороши, то их применение в России должно было укрепить экономику этой страны, особенно в сочетании со скидыванием с плеч тяжкой ноши гонки вооружений. Экономика бывшего СССР должна была стать новым «евроазиатским тигром». Но, почему-то, вместо этого произошел экономический спад и структурная деградация. В принципе можно предложить много разных объяснений этому факту, не затрагивающих честь мейнстримной экономической теории (и далее в этом тексте некоторые из них будут обсуждены более подробно), но проще всего с точки зрения затрат умственных усилий было сказать, что ничего и не было, а вся советская мощь это «бумажный тигр», просто результат дезориентирующей пропаганды и неадекватных предвзятых оценок советологов, причем как левых, так и правых. Первые хотели представить в лучшем свете реализацию любимой ими социалистической идеи, тогда как вторые желали мобилизовать на борьбу с коммунистической угрозой западное общество (кроме того, это был ещё и вопрос дефицита бюджета, расходов на оборону и ВПК).

Конечно, такая позиция уязвима для критики, так как очевидно, что не бывает великой державы без экономического базиса соответствующих размеров. Советские ракеты и атомные боеголовки (а также много других современных и сложных видов вооружений) – это геополитическая реальность, и они откуда-то должны были появляться. Причем это не может быть экономика, целиком находящаяся на устаревшем технологическом уровне, или же чей высокотехнологический сектор ограничен военной промышленностью.

Проверочным примером может служить современная Россия, где военная промышленность действительно осталась последним высокотехнологичным сектором. Но этот сектор без поддержки других отраслей не способен к серийному производству новой техники, а делает её лишь для парадов.

Одним из первых интерпретацию советской истории как полного экономического провала предложил Мартин Малиа⁴ в своей книге «Советская трагедия». По его мнению, не было никакого «застоя», а период брежневского СССР лучше будет называть временем упадка и распада⁵. Этот распад привел к тому, что к началу 1980-х годов экономика и инфраструктура страны лежала в руинах. Что же касается экономической статистики, то не только ЦСУ фальсифицировало данные, но и альтернативные оценки ЦРУ были совершенно неправдоподобными, так как фиксировали рост там, где система в действительности переживала спад. Причину он видит в том, что экономику советского типа невозможно сравнивать с нормальными рыночными экономиками, и традиционные методы оценок тут неприемлемы, как и сами агрегированные показатели, такие как валовой национальный продукт, поскольку придуманы для совершенно других условий⁶.

Возврат к «зверским методам» сталинского периода был невозможен из-за того, что экономика усложнилась. Но и какие-то другие пути были закрыты тоже, так как система была принципиально неререформируемой. По мнению М. Малиа, «экономическая реформа в централизованной экономике возможна только в одном направлении — к децентрализации и рынку»⁷. Но такой путь противоречил природе системы, даже в таком умеренном варианте, как «реформы Либермана». «Сталинская система» была бы поставлена с ног на голову, и потребовалось бы реформирование самой «партии-государства». Поэтому самые робкие попытки внедрения рыночных элементов сводились на нет. «Режим, усилив традиционные административно-командные методы, получил и обычные контрпродуктивные результаты; тем не менее, высказываться в пользу проведения какой-либо иной политики было по-прежнему невозможно»⁸.

Поэтому, например, впустую были потрачены огромные капиталовложения в сельское хозяйство, которые не только не окупились, но и привели к превращению деревни из источника накопления капитала для индустриализации в непосильное бремя для остальной экономики⁹. М. Малиа считает, что положение в позднесоветской деревне было настолько плохим, что можно говорить об обнищании крестьянства (в связи с этим напрашивается аналогия с советской

⁴ Мартин Малиа – американский историк, профессор Калифорнийского университета. Помимо своего наиболее известного труда «Советская трагедия» был автором книг и статей о зарождении социалистических идей в России и о русской революции, а также о восприятии российской истории западными исследователями. Активно критиковал т.н. ревизионистов за то, что они игнорировали истинную природу СССР как тоталитарного государства.

⁵ Малиа М. Советская трагедия. История социализма в России. 1917—1991. М.: РОССПЭН, 2002. С. 372.

⁶ Там же. С. 381.

⁷ Там же. С. 378.

⁸ Там же. С. 378.

⁹ Там же. С. 380.

исторической наукой, у которой тоже крестьянство непрерывно нищало вплоть до 1917 года). В целом взгляд автора на экономическое положение СССР выглядит так: «качество советских товаров (за исключением изделий военного назначения) неуклонно снижалось, инфраструктура и недвижимость - от железных дорог и производственных, предприятий до жилищного фонда - приходили в упадок в масштабах страны, которая к 1980-м гг. по большей части буквально превращалась в руины»¹⁰. Здесь приходится отметить, что по крайней мере некоторые из оценок Малиа не верны. Так, инфраструктура, построенная в поздний советский период, вовсе не представляла собой руины, а, напротив, показала большой запас прочности в последующие 20 лет постсоветского существования и только затем стала действительно создавать проблемы.

Одним из вопросов, которые обсуждали в рамках советологии, было влияние на экономику стратегии экстенсивного роста, которой следовало руководство СССР (в данном случае понятие экстенсивный рост следует понимать как стратегию роста за счет увеличения вложений капитала). Например, Мартин Вейцман полагал, что эта стратегия служит причиной снижения темпов роста продуктивности, замедляет технический прогресс, препятствует адаптации западных технологий и в целом не оправдывает себя¹¹. Но после распада СССР У. Истерли¹² и С. Фишер предложили свою интерпретацию проблемы, снимающую ответственность с экстенсивного экономического роста и перекладывающую его целиком на плечи советской экономической системы. Для этого Истерли и Фишер использовали сравнительный анализ СССР и других стран, следовавших стратегии экстенсивного экономического роста. Сравнительное изучение статистики позволило им сделать вывод, что растущее соотношение капитал/продукция характерно для многих стран мира (в том числе Японии, Кореи, Австрии, Франции). Уникальность Советского Союза была в исключительно низкой отдаче от вложенного капитала. По этому показателю СССР был сопоставим только с небольшой группой наиболее отсталых маленьких стран третьего мира: Ямайкой, Гвианой, Замбией и Мозамбиком¹³.

Причину такого провала советской экономики по сравнению с рыночными экономиками, использующими стратегию экстенсивного роста, Истерли и Фишер видят в том, что «при авторитарно управляемой экономической системе она аккумулирует более узкий, а не широкий набор инвестиционных товаров. Пропадают некоторые формы физического или человеческого капитала, такие как способность к рыночно-ориентированному предпринимательству, маркетингу, информационно-интенсивный физический и человеческий капитал (из-за ограничений потоков информации)»¹⁴.

¹⁰ Там же. С. 385.

¹¹ Weitzman M. L. Soviet Postwar Economic Growth and Capital-Labor Substitution// American Economic Review. 1970. № 5 (60). P. 676-692.

¹² Уильям Истерли – американский экономист, профессор Нью-Йоркского университета. Специалист по эконометрике.

¹³ Easterly W. Fischer S. The Soviet Economic Decline // World Bank Economic Review. 1995. Vol. 9. P. 11.

¹⁴ Ibid. P. 23.

Статья Истерли и Фишера оказала большое влияние на научное сообщество и многократно цитировалась другими авторами. Но в их расчетах есть слабое место. Они по понятным причинам не доверяют советской статистике экономического роста и используют альтернативные оценки. Но при этом данные советской статистики об инвестициях и накопленном капитале им представляются более точными (Истерли и Фишер объясняют это тем, что таков классический западный подход). Хотя, казалось бы, закономерно должен был встать вопрос: за счет чего возникает столь существенный рост инвестиций в стране с очень маленьким экономическим ростом и уже сложившейся структурой экономики с преобладанием производства инвестиционных товаров, при этом ещё и втянутой в усиливающуюся гонку вооружений. Кроме того, есть основания с большей осторожностью относиться к данным ЦСУ не только в оценке экономического роста, но и в их расчетах балансов основных фондов. Как отмечают современные исследователи этого вопроса И.Б. Воскобойников и Е.В. Дрябина, «проблемы несоответствия фактических и отчетных выбытий и неоднородность качества переоценок выбывающих фондов делают его менее надежным»¹⁵.

Крупным исследователем истории советской экономики заслуженно считается Пол Грегори¹⁶, автор книги «Политическая экономия сталинизма». В какой-то мере он следует идеям мейнстрима, но большое влияние на него оказало более глубокое знакомство с фактическим материалом, в том числе реальной практикой работы управленческого механизма СССР. Идейным основанием книги Грегори стали взгляды на плановую экономику Людвига фон Мизеса и Фридриха фон Хайека. Как известно, два этих мыслителя полагали, что плановая экономика неизбежно потерпит крах, что рациональное планирование невозможно, что без рыночных цен невозможны экономические расчеты, а без рыночных стимулов недостижимо эффективное управление¹⁷. Поддерживая эти идеи, Грегори изучал советскую экономику 1930-х годов, чтобы обосновать их практическими примерами. И, конечно, советские документы этого периода обеспечили его достаточным фактическим материалом, свидетельствующим о хаосе, просчетах, неудачных импровизациях, сопровождавших становление советской экономической системы. В то же время для Грегори очевидно и другое: советская система просуществовала дольше, чем должна была, если бы Мизес и Хайек были во всем правы. Объяснение он видит в том, что реальные процессы функционирования экономики в СССР были весьма сложными и «остаются до сих пор недостаточно осмысленными»¹⁸. Их ещё надо изучать, в том числе учитывая реальное распределение полномочий между руководителями разных уровней,

¹⁵ Воскобойников И.Б., Дрябина Е.В. Историческая статистика основных фондов российской промышленности в 1970-2004 годах//Вопросы статистики. 2010. №3. С. 36.

¹⁶ Пол Грегори, американский экономист, историк экономики. Профессор Хьюстонского университета, научный сотрудник Гуверовского института. Изучал экономическую историю России позднего имперского периода и сталинского СССР. Много времени провел за изучением советских архивных документов.

¹⁷ Мизес Л. Социализм: экономический и социологический анализ. М.: Catallaxy, 1993; Хайек Ф. А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М.: Новости, 1992.

¹⁸ Грегори П. Политическая экономия сталинизма. М.: РОССПЭН, 2006. С. 16

возможности для самостоятельных действий и отклонений от планов, наличие теневой экономики.

Грегори ставит вновь уже до него прозвучавший вопрос: жокей или лошадь? Кто всё-таки виноват в провале? Для него ответ очевиден – конечно, виновата «лошадь». В конце концов, «жокеев» было много, они сменяли друг друга. И даже во времена всемогущества Сталина «жокей» никогда не был один, рядом со Сталиным всегда была большая группа руководителей, «маленьких Сталиных», без которых «большой» Сталин не мог бы управлять¹⁹. Таким образом, «жокеи» менялись, а вот «лошадь» оставалась неизменной. Все попытки её реформировать провалились. Более того, попытки реформ приняли характер «бега по кругу». Впервые идеи реформировать систему управления путем перевода предприятий на самофинансирование были предложены в 1931 году, и с тех пор они всплывали снова и снова, но так и не были реализованы до 1987 года²⁰. Но Грегори сомневается, что такие реформы могли бы сработать. В чьих интересах стали бы действовать предприятия, если бы контроль за ними ослаб? Разве они смогли бы действовать эффективно в условиях отсутствия рыночных институтов? Поэтому закономерно, что попытка реализации этих реформ привела к краху производства²¹. Система была неререформируема, необходимы были не реформы, а транзит к рыночной экономике.

Анализируя причины падения темпов экономического роста в позднем СССР, Грегори в первую очередь перечисляет системные причины, связанные с превосходством рыночной экономики над социализмом. Нарастающая сложность системы создавала всё больше препятствий в управлении экономикой административными методами, в то время как рыночную экономику возрастающая сложность не делает менее эффективной. Рыночные экономики пользуются «созидательным разрушением», уничтожая старые производства и даже отрасли, чтобы их заместили новые. В СССР же крупнейшие производители оставались в этой роли с 1930-х годов и до конца. Форсированные капиталовложения вели к убывающей отдаче. Рыночная экономика давала систему стимулов и ориентиров для оценки эффективности, а в СССР этого не наблюдалось.

Все эти замечания не новы, и ради них не стоило бы писать книгу. Но, когда автор начинает использовать фактический материал и делать выводы на его основании, в том числе обращаясь к модели «принципал-агент» М. Дженсена и У. Меклинга²², возникает некий диссонанс с изложенным выше комплексом идей. Ещё заметнее этот диссонанс становится, если посмотреть на статью Грегори о гибели советской экономики²³. В ней он объясняет эту гибель идеальным штормом, то есть таким совпадением внешних и внутренних для системы обстоятельств, которые она не смогла выдержать в совокупности, хотя каждое из них по

¹⁹ Там же. С. 339.

²⁰ Там же. С. 320-321.

²¹ Там же. С. 322.

²² Jensen M., Meckling W. Theory of the Firm. Managerial Behavior, Agency Costs and Ownership Structure // Journal of Financial Economics. 1976. Vol.3, № 4.

²³ Грегори П. Почему развалилась советская экономика // Вестник Европы. 2014, № 38-39.

отдельности не было смертельным. Главными внутренними проблемами были дефекты экономической системы, но список их не типичен. Это использование принципа планирования от достигнутого, мягкие бюджетные ограничения, лоббирование и господство клановых интересов, некомпетентность последнего поколения элиты, вышедшего в основном из комсомольской среды, а не из инженерно-технической, как предыдущие.

Создается впечатление, что значительная часть реальных проблем могла быть решена за счет перераспределения полномочий между звеньями управленческой цепочки и непринципиального изменения использовавшихся практик, которые зачастую возникли довольно случайно. Где-то в руках у низовых исполнителей полномочий оказалось слишком много, а в каких-то вопросах их, наоборот, загнали в слишком жесткие рамки (как, например, председателей колхозов, которым из обкома предписывали, что и когда сеять). Если это было действительно так, то препятствия к необходимым изменениям могли лежать не в области советских экономических институтов, а в сфере властных отношений. В конце концов, проблема взаимоотношений «агент-принципал», о которой так много пишет Грегори, была придумана вовсе не для советской, а для рыночной экономики, и, следовательно, тоже там существует. Конечно, для неё нет идеального решения, но можно добиться (и в том числе добиться в рамках советской системы) приемлемого сочетания интересов.

Другая же часть проблем 1930-х годов выглядит как следствие того, что попытка построения социалистической экономики была предпринята с негодными средствами, как техническими, так и человеческими. Большинство управленцев, в том числе сам И.В. Сталин, не имели нужных качеств и знаний для того, чтобы выполнять выпавшие им задачи. Очевидно, что, скажем, Г.К. Орджоникидзе не обладал компетентностью и опытом, необходимыми для руководства промышленностью, и не мог руководить какими-то другими методами. Сталин же сосредоточил в своих руках слишком много полномочий и в силу этого расплывал свое внимание между действительно важными и второстепенными вопросами, причем второстепенные вопросы преобладали. Но после прихода нового поколения даже в условиях сохранения у власти Сталина со всеми его недостатками эти негативные факторы должны были ослабнуть, а внутренняя административная культура – измениться. Но изменилась ли она? Чтобы ответить на этот вопрос, нужны исследования более широкого исторического периода, чем у Грегори, и, возможно, с другой методологией.

ТРАДИЦИОННЫЙ РЕВИЗИОНИЗМ

Ревизионизм некогда был господствующим в советологии направлением. Его последователи критиковали концепции, описывающие Советский Союз как тоталитарное государство, и считали, что необходимо в первую очередь изучать реальные процессы, происходящие в советском обществе, а не идеологические доктрины. Но авторитет ревизионизма сильно пострадал после того, как его

последователи не смогли предсказать распад СССР (хотя главная альтернативная концепция также не была способна объяснить это событие). В результате сторонники ревизионизма подверглись едкой критике, упрекавшей их в непонимании природы советской системы, попытках представить её современной и эффективной, преувеличении её возможностей. Показательны с этой точки зрения многочисленные инвективы в адрес мейнстримных советологов того времени, содержащиеся в книге и статьях М. Малиа²⁴.

Несмотря на такую утрату позиций, да ещё и на фоне сильно снизившегося научного интереса к теме, среди западной науки сохранились немногочисленные последователи ревизионизма, которые попытались дать свое объяснение краха СССР и описать его внутренние проблемы. Наиболее известной и убедительной попыткой защитить ревизионистские позиции стала книга Моше Левина²⁵ «Советский век».

Продолжая следовать традициям ревизионизма, Левин начинает с анализа протекавших в обществе процессов. В первую очередь это урбанизация, изменившая облик советского общества. В результате режим столкнулся с новой, более сложной для него социальной реальностью, к которой пришлось приспособливаться, что происходило довольно неумело. В целом «методы плановой экономики не вышли за границы эффективности модели 1930-х годов», которая предполагала «щедрое распределение инвестиций с расчетом на способность системы мобилизовать трудовые ресурсы, когда и где потребуется»²⁶. Между тем, советская экономика столкнулась с дефицитом трудовых ресурсов, вызванным прекращением притока рабочей силы из обезлюдевшей деревни, а также сокращением рождаемости. В этих условиях не просто было невозможно обеспечить планы развития страны соответствующими трудовыми ресурсами, но даже имеющиеся недостаточные ресурсы двигались в направлении, противоположном желаемому. Так, в то время как правительство планировало освоение Сибири, её жители стремились переселиться в места с более теплым климатом.

Парадоксальным образом, испытывая жестокий дефицит трудовых ресурсов, советская экономика сохраняла избыточную занятость на ряде предприятий. И этот факт обращает внимание на многочисленные примеры неэффективного администрирования, которое порой сложно отделить от прямой коррупции. Утаивание производственных ресурсов, потеря ценных материалов, растраты средств на ненужные поездки и роскошные приемы – все это, безусловно, не шло на пользу советской экономике. Здесь возникает вопрос: не слишком ли автор

²⁴ См., например: Малиа М. Из-под глыб, но что?//Отечественная история. 1997. № 5.

²⁵ Моше Левин (Миша Лювен) (1921-2010), ученый, работавший во Франции, Британии и США, профессор Бирмингемского и Пенсильванского университетов. Автор большого числа работ по истории СССР, в том числе по вопросу взаимоотношений власти и крестьянства накануне и в начале коллективизации, о борьбе В. И. Ленина с растущим влиянием бюрократии в последние годы его жизни, о социальных корнях советской системы. В своих работах он отстаивал менее политизированный взгляд на историю СССР, призывал к восприятию советской политики в духе «Realpolitik», что противопоставляло его сторонникам концепции тоталитаризма. Считается одним из основателей ревизионизма.

²⁶ Левин М. Советский век. М.: Издательство «Европа», 2008. С. 529.

проникся духом изучаемых им документов советской эпохи? Не потерял ли он в данном случае объективность? В конце концов, многочисленные деловые поездки это естественный показатель экономической активности, а роскошные приемы, возможно, выглядели роскошными только в глазах советского чиновника.

Левин, анализируя предпринятые советской системой поиски выхода из сложившейся ситуации, считает, что «реальная задача была по силам разве что Гераклу»²⁷. Проблемы в данном случае выходят за пределы экономической сферы, и Левин обращается к анализу феномена советской бюрократии. Эту бюрократию он представляет как отдельную группу, противостоящую как «деспотизму Политбюро», так и остальному советскому обществу. Далее он говорит о гигантских размерах этого слоя (в зависимости от выбранных критериев, он мог превышать 13 миллионов человек)²⁸, и о его тенденции к постоянному росту. Безусловно, эта цифра огромна, и её радикальное сокращение могло бы хотя бы частично решить проблему дефицита трудовых ресурсов. И автор с некоторой иронией упоминает о несбывшихся надеждах на такую перспективу.

Проблема, однако, состоит ещё и в том, что максимальная оценка численности бюрократии, которой предпочитает пользоваться автор, отражает не только и не столько те тенденции саморазмножения бюрократического монстра, которые имел в виду Левин и те советские аналитики, которые это число создали и использовали. Само это число включает в себя не только бюрократов, но и почти весь слой советских «белых воротничков» (в число вошли те, кто занят в производственном секторе, но не участвует непосредственно в производстве), и, в первую очередь, указывает на процессы усложнения и интеллектуализации советской экономики. Более того, возможно, тревожным показателем был не слишком быстрый, а слишком медленный рост этого числа (и, возможно, качественные недостатки его слагаемых). Во всяком случае можно утверждать, что слой «белых воротничков» и, более широко, среднего класса, был в развитых западных странах толще и нарастал быстрее. И ещё более тревожным был сам факт того, что советские аналитики использовали этот показатель, поскольку это свидетельствовало об их непонимании ни происходящих в экономике процессов, ни потребностей экономики, ни перспективных направлений её развития (мы можем говорить об этом с высоты прошедших 50 лет).

Впрочем, эта критика не ставит под сомнение другой важный вывод Левина, рост независимости советской бюрократии, перед которым вынуждена была отступить воля «коллективного диктатора» Политбюро. Левин отмечает, что «настоящее осуществление политики и реализация политики приняли форму затянувшихся торгов между различными государственными органами»²⁹. Эта независимость опиралась в том числе и на тот факт, что коммунистическая партия из политической организации превратилась в ещё одну бюрократическую

²⁷ Там же. С. 522.

²⁸ Там же. С. 546.

²⁹ Там же. С. 549.

структуру³⁰. И эта структура одновременно боролась с другими бюрократическими структурами за власть и влияние и переплеталась с ними в тесных связях, обусловленных законными и незаконными интересами. Тезис о правящей партии в этих условиях оказывался просто ещё одним советским мифом, не имеющим отношения к реальности. Партийные руководители претендовали на то, что только они заботятся об интересах государства в целом, в то время как остальные пекутся только о своих ведомствах. Но Левин считает, что это заявление следует не принимать за чистую монету, а рассматривать в контексте борьбы между группами бюрократии за «место главного выразителя интересов государства». Возрождение реальной внутрипартийной жизни и восстановление политического значения партийных институтов, по мнению Левина, могло бы дать новый импульс к преодолению пороков советской системы, обеспечив давление на бюрократию и сверху, и снизу, но этого так и не произошло³¹.

Нарастающая независимость и бесконтрольность бюрократического аппарата вела к развитию теневой экономики. Те самые её просчеты и дефекты, которые не получалось исправить сверху, облегчались за счет не вполне легальных действий снизу. Все это порождало мутную среду, в которой формировалась огромная армия «толкачей». Их деятельность постепенно превращала советские предприятия из контролируемых государством в контролируемые отдельными представителями аппарата, которые фактически стали несменяемыми. В такой среде уже была невозможна какая-либо спущенная сверху экономическая реформа, если она противоречила интересам бюрократии (Левин исходит из того, что реальная оптимизация экономики им противоречила). Это движение вело в конечном итоге к будущей приватизации и представляло собой процесс «кристаллизации примитивного капитализма внутри экономики, принадлежащей государству»³². Таким изящным ходом Левин перекладывает ответственность за провалы советской экономики на капитализм, который в ней зарождался.

Концепция Левина интересна тем, что продолжает старую хорошо разработанную традицию и вместе с тем встраивает в себя новые источники, в первую очередь ставшие доступными после распада СССР документы. Но при этом сама она во многих частях вызывает вопросы. Так очевидны причины, по которым попытки повысить эффективность советской экономики неизбежно задевали те или иные интересы. Но, если вдуматься, здесь для бюрократии имеет место дилемма, поскольку в целом как социальный слой она была тем больше заинтересована в разрешении этих проблем, чем устойчивей становилось её положение (достаточно вспомнить, каким катастрофическим обесцениванием контролируемых бюрократией богатств всё это закончилось в итоге). В истории было множество примеров таких дилемм между оппортунистическими интересами отдельных представителей господствующего слоя и его общими интересами. И далеко не всегда эти дилеммы решались в пользу оппортунистических индивидуумов. Если

³⁰ Там же. С. 551.

³¹ Там же. С. 584.

³² Там же. С. 581.

советские бюрократы сами отпилили сук, на котором сидели, почему в данном конкретном случае слепой эгоизм возобладал над голосом разума?

Очевидное недоработанное место концепции – переход от проблемы исчерпанности трудовых резервов к вопросу о дисфункциях бюрократического управления. Сама проблема была действительно очень важной. И более того, в данном случае уместно говорить о сбоях в работе системы, так как внутри СССР имелись ещё обширные трудовые ресурсы, но система оказалась не способна их задействовать. Трудовые ресурсы были остродефицитными в крупных промышленных центрах, их запасы были исчерпаны в русской деревне. Но при этом в Средней Азии проблема была прямо противоположной: демографический взрыв опережал возможности экономики создавать там новые рабочие места. Дефицит рабочих мест проявлялся и в малых городах более развитых республик. Кроме того, оставалось огромное число неэффективных заводов и фабрик с устаревшим оборудованием, на которых непроизводительно растрачивался труд. В целом советская экономика оказалась очень негибкой с точки зрения территориальной мобильности рабочей силы. И если в каких-то случаях можно все списать на бюрократические элиты, но в то же время очевидно, что, свою роль сыграла более широкая гамма факторов. Особенно если говорить о главном неиспользованном резерве, Средней Азии. Тут явно имел место не просто сбой в экономической политике, а провал политики культурной интеграции. Всё это требует дополнительного тщательного изучения, в том числе и в сравнительном аспекте с сегодняшней экономикой Российской Федерации, широко использующей этот трудовой ресурс.

КИТАЙСКИЕ МАРКСИСТЫ

Тезисы о «кристаллизации капитализма» одного из основателей ревизионистского направления в изучении истории СССР парадоксальным образом находят свою параллель в выводах китайских марксистов о капиталистическом перерождении советской системы. К сожалению, по целому ряду причин у нас очень мало возможностей ознакомиться со взглядами китайских ученых. Но тем ценнее для нас те немногие возможности ознакомиться с их идеями, которые у нас всё-таки появляются. Китайские ученые уже в силу исторического положения своей страны должны предложить свою точку зрения, отличную от господствующей на Западе. Их страна - наследник Советского Союза в роли лидера мирового коммунистического движения и, в отличие от СССР, пример удачных экономических реформ по переходу к рыночной экономике. Свой взгляд на то, почему с Советским Союзом случилось то, что случилось, китайские ученые изложили в сборнике «Над этим размышляет история» под редакцией Ли Шеньмина³³.

³³ Ли Шеньмин – профессор Китайской Академии общественных наук, член Постоянного Комитета Всекитайского Совета Народных Представителей.

Как считает Ли Шеньмин, «коренная причина огромных перемен в Советском Союзе кроется не в «сталинской модели», т.е. в «советской модели социализма», а в отходе и в предательстве марксизма, социализма и интересов широких народных масс хрущевской и горбачевской кликой»³⁴. Он полагает, что надо разделять основной политико-экономический режим и конкретные механизмы управления. Основным политико-экономический режим в СССР был правильным. Что же касается конкретных механизмов управления, то во времена Ленина и Сталина они в целом, несмотря на ряд допущенных ошибок, отвечали стоявшим задачам, но затем их требовалось реформировать: развивать социалистическую демократию, совершенствовать законодательство, устранить культ личности. Но главной причиной экономических проблем было не недостатки механизмов управления, а нарастание проблем внутри компартии, причем само это нарастание проблем было связано с отходом её руководства от марксизма, а не с какими-то иными внутренними или внешними проблемами³⁵.

Ещё один автор сборника, Чень Чжихуа³⁶, рассказывает о выводах, к которым пришли авторы коллективного труда «Не терять бдительность – размышления о распаде КПСС: 20 лет спустя». Советская социалистическая модель, по их мнению, не была лишена недостатков, и эти недостатки начали усиливаться в 1950-е годы. Но руководство СССР не смогло вовремя скорректировать политику и провести необходимые реформы. Напротив, те реформы, которые оно проводило, вели страну в конечном итоге к отказу от социализма и распаду страны³⁷. Внутри КПСС сформировалась группа руководителей, которые сначала просто не хотели менять статус-кво из-за своих коррупционных интересов, а затем захотели таких преобразований, которые позволили бы им снять ограничения с использования власти в целях личного обогащения.

Могут представлять интерес взгляды Хе Генъцяна, изложенные им в статье «Прозападная ориентация экономической науки – одна из важнейших причин распада СССР. Размышления над программой 500 дней». Хе Генъцян, как и следует из заголовка, более всего уделяет внимание вышеупомянутой программе «500 дней», которую он считает «раковой опухолью, появившейся в результате прозападной ориентации экономической науки»³⁸. Но он видит корни проблемы глубже, полагая, что «руководство КПСС, начиная проводить реформы, уже преклонялось перед современной западной буржуазной экономической наукой»³⁹.

³⁴ Ли Шеньмин. Разложение КПСС – коренная причина распада СССР // Над этим размышляет история. Заметки к 20-летию распада СССР. Пекин: Social Sciences Academic Press (China), 2012. С. 16.

³⁵ Там же. С. 47.

³⁶ Чень Чжихуа – ведущий научный сотрудник Института мировой истории Китайской Академии общественных Наук.

³⁷ Чень Чжихуа. Новые размышления над резкими изменениями, произошедшими в СССР // Над этим размышляет история. Заметки к 20-летию распада СССР. Пекин: Social Sciences Academic Press (China), 2012. С. 167.

³⁸ Хе Генъцяна. Прозападная ориентация экономической науки – одна из важнейших причин распада СССР: размышления над программой «500 дней»// Над этим размышляет история. Заметки к 20-летию распада СССР. Пекин: Social Sciences Academic Press (China), 2012. С. 107.

³⁹ Там же. С. 107.

Оно восприняло идею «универсальных ценностей» и наивный идеалистический подход «нового мышления». Под воздействием руководства всё большее значение среди экономистов приобретали сторонники западной модели. Из-за своей прозападной ориентации советская экономическая наука представляла недостатки экономики, которые вполне можно было преодолеть путем реформ, как неизлечимую болезнь. Впрочем, проблемы начались ещё раньше. Уже в 1965 году дискуссии вокруг экономической реформы показали дефекты экономической науки в СССР, где боролись две ошибочные точки зрения. Одна противопоставляла социалистическую экономику и товарно-денежные отношения, в то время как другая отрицала государственную экономику и предлагала переход к рынку⁴⁰.

Западные экономические теории, с точки зрения Хе Генъцяна, не были злом сами по себе, в них тоже содержались какие-то элементы, достойные изучения. Но нельзя было реформировать социалистическую экономику, ориентируясь только на эти учения. То есть фактически статью Хе Генъцяна можно понять как критику монополизма в научной сфере, который в конце 1980-х годов действительно имел место. Несмотря на декларируемую свободу слова, все направления, кроме одного, фактически были дискредитированы, и рыночные реформы представлялись безальтернативными. Впрочем, следует оговориться, что точка зрения Хе Генъцяна не является безальтернативной в китайской науке, многие представители которой писали о необходимости рыночных реформ в СССР.

НЕОРЕВИЗИОНИЗМ РОБЕРТА АЛЛЕНА

Оригинальные взгляды, которые можно охарактеризовать как неоревизионистские и даже отчасти как структуралистские высказал в своей книге «От фермы к фабрике» Роберт Аллен⁴¹. Эта книга посвящена в первую очередь советской индустриализации 1930-х годов и написана в очень комплиментарном по отношению к этой политике стиле. Отчасти это объясняется его сомнениями в обоснованности сопоставления СССР с Западной Европой и США, которые изначально находились на другом уровне развития, и даже с Японией, Южной Кореей и Тайванем, которые находились под воздействием невоспроизводимых в других местах культурных и политических факторов. Его точка зрения о том, что созданные в этот период экономические институты «более совершенный способ использования рычагов государственного управления для стимулирования роста экономики»⁴² вызывает, однако, неизбежный вопрос, который он сам перед собой

⁴⁰ Там же. С. 112.

⁴¹ Роберт Аллен, профессор экономической истории Оксфордского университета, автор ряда книг и статей по широкому спектру вопросов экономической истории, от истории огораживания в Англии до конкуренции в сталелитейной промышленности, но в целом его наибольший интерес вызывают процессы перехода к индустриальному обществу. Наиболее известная его книга – «Британская промышленная революция в мировой перспективе».

⁴² Аллен Р.С. От фермы к фабрике: новая интерпретация советской промышленной революции. М.: РОССПЭН, 2013. С.31

поставил в своем исследовании: «Как случилось и каковы причины того, что резкий экономический рост, наблюдавшийся в СССР до начала 1970-х годов, внезапно сменился замедлением темпов в последние два десятилетия существования Советского Союза? Можно ли говорить о том, что замедление темпов роста стало показателем фундаментальных противоречий советской системы, или же причина кроется во внешних факторах или ошибках политического характера, которых можно было избежать?»⁴³ Отвечая на этот вопрос, Аллен излагает свое мнение о том, в чем был корень экономических проблем позднего СССР.

Роберт Аллен, подробно изложив традиционные взгляды М. Вайцмана, У. Истерли и С. Фишера, согласно которым падение эффективности советской модели экономики было связано с исчерпанием трудовых ресурсов и низкой эластичностью замещения между капиталом и трудом, что привело к падению совокупной производительности факторов производства, затем неожиданно переходит к их критике со структуралистских позиций. При этом ему на помощь приходит его интерес к истории некоторых отраслей промышленности, в частности металлургии, о которой он написал ряд статей⁴⁴. Аллен считает, что неправомерно просто заявить на основании общих агрегированных показателей, что коэффициент эластичности замещения между трудом и капиталом составлял 0,4, не проведя более детального анализа, в том числе с разбивкой по секторам и разбором конкретных стратегических управленческих решений. Вместо этого он предлагает обратить внимание на то, что отрасли страдали от падения совокупной производительности факторов производства неравномерно, и их можно с этой точки зрения разделить на три категории, сильно отличающиеся по своим тенденциям. Далее он обращает внимание на то, что решающий вклад в падение совокупной производительности факторов производства в 1975-1985 годах внесло всего три отрасли: черная металлургия, нефтяная промышленность и угольная промышленность. Все эти отрасли испытали серьезные негативные последствия исчерпания природных ресурсов в европейской части СССР, где были использованы легко извлекаемые запасы железной руды, угля и нефти. Реакцией на этот процесс стал перенос внимания к развитию ресурсной базы в Сибири, где условия добычи были существенно хуже, и требовались большие вложения. Природные богатства Сибири, по мнению Аллена, оказались не «благословенным даром», а «черной дырой», поглотившей инвестиционный капитал Советского Союза⁴⁵.

Что касается металлургии, то её проблемой оказалась не только исчерпанность месторождений, заставлявшая зарываться в землю всё глубже, чтобы добывать всё меньше железной руды с всё большей себестоимостью, но и ошибочная стратегия развития отрасли. Вместо того, чтобы сосредоточиться на строительстве новых современных металлургических заводов, постепенно

⁴³ Там же. С.22

⁴⁴ Allen R.C. International competition in Iron and Steel, 1850-1913//Journal of Economic History. 1979. Vol. 39. P.911-937.

⁴⁵ Аллен Р.С. От фермы к фабрике: новая интерпретация советской промышленной революции. С. 266.

ликвидируя старые, была избрана стратегия модернизации уже существующих производств, на что тратилось 60% инвестиций. Тем самым отрасль обрекалась на неэффективность, так как мировой тренд развития металлургии в это время шел в совсем ином направлении. В качестве противоположного примера Аллен приводит Японию, где в этот период наблюдался быстрый рост металлургии. Этот рост был обеспечен за счет строительства 9 новых сталелитейных заводов средней мощностью 9 миллионов тонн. Именно такие заводы были экономически эффективными на том уровне развития технологий. В СССР же большинство заводов выплавляло в год от 1 до 5 миллионов тонн стали, а новопостроенные заводы имели мощность в среднем в 7 миллионов тонн. На старых заводах существовало множество препятствий для повышения производства, даже в случае модернизации и применения нового оборудования и технологий. Их инфраструктура не была рассчитана на более высокие объемы производства, их площади были слишком ограниченными, не приспособленными для эффективной эксплуатации нового оборудования, а транспортные коммуникации ограничивали поступление сырья и вывоз готовой продукции. Получается, что СССР, руководителей которого часто упрекали в стремлении к гигантизму, не проявил его именно там, где это было как раз уместно.

Аллен пишет и о другом провале, недооценке важности экономии энергоресурсов. Представители власти лишь говорили о его необходимости, но при этом не готовы были делать хоть что-то для воплощения этой политики в жизнь. В частности, её проведение упиралось в отсутствие измерительных приборов. Их производство надо было налаживать, для этого требовалось время, но руководство страны хотело результатов «здесь и сейчас»⁴⁶. Эта мысль Аллена вызывает некоторое сомнение: ведь освоение энергоресурсов Сибири тоже не давало результатов «здесь и сейчас», но выбор был сделан в его пользу.

Далее Аллен сталкивается с ещё одним распространенным тезисом, объясняющим экономические проблемы позднего СССР отсутствием правильных стимулов для принятия решений, которые, как многие считают, может дать только рынок. Не отрицая того, что «цепочка обратной связи в советской экономике была длиннее, включала более высокие уровни и была в целом менее эффективной, чем это возможно в условиях капитализма»⁴⁷, он, тем не менее, считает, что «основной проблемой системы принятия решений в СССР было не управленческое звено на предприятиях, то есть не руководители производства, не способные выполнить поставленные задачи. Напротив, планы выполнялись, однако именно они изначально несли в себе ошибки политического курса.

Наконец, последний тезис, с которым он спорит – утверждение о неспособности советской экономики создавать и использовать новые технологии, восходящее к работам Дж. Берлинера⁴⁸. Здесь Аллен сначала приводит в качестве контрдовода тезис о том, что институциональные проблемы в советской научно-

⁴⁶ Там же. С. 272

⁴⁷ Там же. С. 271.

⁴⁸ Berliner J.S. The Innovation Decisions in Soviet Industry. Cambridge; Mass.: The MIT Press. 1976.

исследовательской системе не могут быть объяснением спада 1970-х годов, так как этому спаду не предшествовало никаких серьезных изменений в этой области. Далее он приводит примеры, свидетельствующие о том, что в действительности в Советском Союзе велась весьма масштабная исследовательская деятельность, в том числе по инициативе предприятий, что опровергает тезис о слабости стимулов, способствующих инновационной деятельности⁴⁹. В действительности инновационная отрасль страдала прежде всего от конкуренции за кадры со стороны ВПК, но это было следствием внешних по отношению к системе факторов, Холодной войны и гонки вооружений.

Подводя итог, Аллен приходит к ответу на заданный им самим в начале книги вопрос. В провале виноваты именно ошибки политического руководства и внешние по отношению к системе факторы. «Возможность претворения в жизнь глобальных изменений посредством директив вышестоящих кругов являлась важным преимуществом советской социалистической системы... Но к 1970 г. Нарушился баланс между «правильными» и «неправильными» экономическими решениями... Особенность советской экономики, которая изначально являлась её сильной стороной, впоследствии стала её главным недостатком. Рост экономики прекратился лишь потому, что руководству страны не хватало находчивости, позволяющей справиться с новыми вызовами»⁵⁰.

Книга Аллена закономерно встретила довольно активную критику со стороны научного сообщества⁵¹. Но при этом критика эта сосредоточилась на её основной части, где Аллен пишет об индустриализации 1930-х годов. Автора обвиняли в оправдании сталинизма, в отказе учитывать страдания людей, притесняемых советской системой. Авторские же гипотезы о причинах экономических проблем позднего СССР остались на периферии дискуссии (хотя обсуждался вопрос о достоверности используемых Алленом данных).

В той части, где Аллен прибегает к структуралистскому анализу, его идеи выглядят убедительно. Более того, они хорошо ложатся на доступный фактический материал. У меня, когда я читал его работу, перед глазами вставала картина Тагильского металлургического завода, закрытого лишь в 1990-е годы. Основанный ещё Демидовыми, он находился в центре города, не имел возможности для расширения. К нему не вела ветка железной дороги, вся его логистика должна была идти через городские улицы. Тем не менее, в 1970-е годы он подвергся реконструкции, которая, судя по масштабам строительства, была достаточно затратной. Но из-за перечисленных выше недостатков этой производственной площадки она не могла окупиться. Это живой конкретный пример того, как ошибочная экономическая политика вела к падению производительности капитала. Верно подмечены и проблемы со снабжением железной рудой. В позднем СССР география размещения металлургических предприятий действительно всё меньше и меньше оставалась адекватной

⁴⁹ Аллен Р.С. От фермы к фабрике: новая интерпретация советской промышленной революции. С. 275.

⁵⁰ Там же. С. 279.

⁵¹ Ellman M. Soviet Industrialization: A Remarkable Success? // Slavic Review. 2004. Vol. 63, No. 4.

ресурсной базе. Что касается последней, то реальная ситуация выглядела даже хуже, чем представляет себе Аллен, хотя и в несколько ином направлении. Сильнее всего были исчерпаны рудники Урала, а не рудники Европейской России. Более того, из Европейской части России приходилось везти руду на Урал, и эта руда обеспечивала потребности уральской металлургии на одну четверть (другая четверть поставок шла из Казахстана, и только половина руды была местной)⁵². Экономические потери при этом были грандиозными, особенно зимой, когда руда смерзлась в вагонах и её доставали из них взрывным способом⁵³. Возможно, средства, потраченные на неудачную модернизацию уральских металлургических заводов, следовало использовать для развития местной сырьевой базы, у которой были ещё не использованные резервы в виде месторождений с низким содержанием железа и нестандартными рудами, требовавшими инновационных подходов. Впрочем, понятно, что этот вариант тоже привел бы к снижению эффективности совокупных факторов производства.

Аллен делает побуждающее к дальнейшим размышлениям сравнение: политика позднего СССР, по его мнению, была бы похожа на такой контрфактический сценарий, в котором США, решив сохранить свою сталелитейную промышленность, вложили бы свои средства в масштабную модернизацию этих заводов, а топливом и рудой стали бы снабжать их из Северной Канады. Вместо этого США перешли к импорту автомобилей и стали из Японии, где их производили, используя дешевое сырье из стран третьего мира. Хотя Аллен и не утверждает это прямо, но, очевидно, он считает, что такой путь был правильным. Это действительно казалось абсолютной истиной в 2003 году. Сейчас уже нельзя давать такую однозначную оценку, поскольку очевидно, что перенос производственных мощностей в другие страны (не только в Японию) привел к тому, что мировая гегемония США оказалась под угрозой. США сами вырастили себе нового соперника.

Впрочем, дело не только в этих долгосрочных последствиях. Вопрос и в том, насколько для СССР вообще было возможно расширение вовлеченности в международные торговые отношения и в какой форме это расширение могло происходить так, чтобы не оказаться разрушительным для экономики. В конце концов, именно это расширение вовлеченности в международную торговлю и произошло вместе с закрытием старых (к сожалению, не только старых) промышленных предприятий, но оно не принесло с собой ничего хорошего. США пока находят способы расплатиться за автомобили, сталь и прочие товары из других стран, но чем бы за них мог расплатиться СССР? Сейчас Россия расплачивается за них нефтью и газом, добытыми в том числе благодаря тем программам освоения Сибири, которые Аллен критикует как неэффективные. Но если путь США был для СССР закрыт, то мог ли он пойти по пути Японии? Япония великолепно решила проблему логистики, построив свои сталелитейные комбинаты на побережье, где они получали необходимое сырье прямо с кораблей.

⁵² Запарий В.В. Черная металлургия Урала в 70-е гг. XX века. Екатеринбург: Изд-во УМЦ-УПИ, 2007. С. 45.

⁵³ Там же. С. 53.

Но где смог бы построить такие комбинаты СССР? Ещё в первой половине XIX века самые первые исследователи экономической географии России отмечали одну из её главных проблем – плохую обеспеченность страны водными коммуникациями, препятствующую её вовлеченности в мировую торговлю⁵⁴.

Если размышлять над этой проблемой дальше, то получается, что речь шла не только и не столько о соревновании капитализма и социализма или СССР и США. Речь шла о соревновании мира морской торговли и железнодорожной транспортной сети Северной Евразии. Соревнование явно было не равным, поскольку морские перевозки существенно дешевле железнодорожных, а мир значительно больше, чем Северная Евразия.

В конечном итоге, если вспомнить о старой дилемме «жокей или лошадь», Аллен склонен всю вину возлагать на жокея. Лошадь же, как он считает, была не так уж и плоха. Однако, даже если согласиться с такой оценкой, все равно неизбежно возникают следующие вопросы. Почему именно такие решения принимал «жокей»? И более того, мог ли «жокей» принимать какие-то другие решения? Но это уже ставит вопросы о природе и характере власти в СССР, от анализа которых Аллен воздержался.

ПОСТИНДУСТРИАЛИЗМ

Ревизионисты полагают, что СССР обладал мощной экономикой, чью эффективность снижал ряд проблем. Но что если именно мощь и масштабы такой экономики были её главной проблемой? Такое возможно, если экономика устарела структурно. С точки зрения структуры экономики главным трендом второй половины прошлого века принято считать переход к постиндустриальному обществу. И вполне закономерно, что некоторые исследователи захотели посмотреть на проблемы советской экономики с точки зрения постиндустриализма.

Картина, которую рисует нам такой подход, довольно безрадостна. Примером этому могут служить взгляды Стивена Коткина⁵⁵. По его мнению, советская экономика в период позднего СССР представляла собой «самую большую в мировой истории свалку устаревшего оборудования»⁵⁶. Если это верно, то самой большой проблемой советской экономики было то, как эту свалку утилизировать. Проблема эта не решена по сей день, так как промышленность в Российской Федерации не исчезла полностью. Так что агония советской экономики всё ещё продолжается.

⁵⁴ Гловели Г.Д. Геополитическая экономия в России: от дискуссии о самобытности к глобальным моделям (XIX-в. – первая треть XX в.). СПб.: Алетейя, 2009. С. 20.

⁵⁵ Стивен Коткин, профессор истории и международных отношений Принстонского университета, автор нескольких книг о Сталине и сталинском СССР, а также рассказывающей о распаде СССР книги «Предотвращенный армагеддон». Ученик Мартина Малиа.

⁵⁶ Коткин С. Предотвращенный армагеддон. Распад Советского Союза, 1970-2000. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 26.

Проблемы СССР не были уникальными. Аналогичные процессы, по мнению Коткина, происходили и в других развитых странах. В 1970-е годы эпоха индустриальной экономики, построенной в середине прошлого века, исчерпала себя. Толчком стал нефтяной кризис 1973 года, но ещё до этого промышленные гиганты потеряли большую часть своей конкурентоспособности. «Но для тех из них, кто с грехом пополам свои проблемы решал, нефтяной кризис означала час расплаты»⁵⁷.

Экономические и социальные потери от нефтяного шока были катастрофичными, но они позволили, во-первых, перейти к более энергоэффективной экономике и, во-вторых, сопровождались переходом к гибкому автоматизированному производству, значительно повысившему производительность труда.

Советский Союз счастливо (как казалось) избежал всего этого комплекса проблем, поскольку воспользовался своим выгодным положением экспортера нефти (а также оружия, продаваемого другим экспортерам нефти). Но в действительности он просто отложил их на более позднее время и обрек себя тем самым на ещё более жестокую катастрофу. Структура советской экономики, построенной как совокупность сверхгигантских индустриальных комплексов, усугубляла её ещё сильнее. Несмотря на предпринятые попытки компьютеризировать производство за счет импортных технологий, «советские заводы и фабрики оказались не способны к адаптации новых технологий, особенно информационных систем»⁵⁸. Но хуже всего было отсутствие институтов, необходимых для функционирования рынка (в России, по мнению Коткина, они так и не появились до сих пор)⁵⁹.

Что интересно, Коткин не считает, что СССР имел какую-то возможность совершить постиндустриальный переход вслед за развитыми странами. По его мнению, единственная реалистичная альтернатива была в том, чтобы пойти по консервативному пути и смириться с экономическими потерями, сохраняя политическую стабильность, отказавшись от непосильных геополитических амбиций и проводя постепенные рыночные реформы. Что же касается рыночных реформ, то они, может быть, могли бы улучшить положение, но фактически их провести было невозможно, что показал опыт радикальных экономических реформ в Российской Федерации. По мнению Коткина, рыночные реформы фактически так и не были проведены, а остались не более чем иллюзией⁶⁰. Но такие реформы и не могли быть проведены в реальных условиях позднего СССР с его беспринципной и бесконтрольной бюрократией.

СССР оказался втянут в Холодную войну с Западом, которую он был обречен проиграть, независимо от своих достоинств и дефектов. «Представьте себе геополитическое соревнование, в ходе которого одна сторона говорит: «Я возьму

⁵⁷ Там же. С. 20.

⁵⁸ Там же. С. 69.

⁵⁹ Там же. С. 27.

⁶⁰ Там же. С. 130

Западную Германию и Францию, а ты – Восточную Германию и Румынию; мне достанется Британия и Италия, а тебе – Болгария и Венгрия; мне Япония и Саудовская Аравия, а ты бери Кубу и Анголу». Победитель предсказуем»⁶¹. Соревнование с капитализмом было невозможно выиграть, но будущая победа над ним была составной частью легитимации режима.

На все это наложились нереалистичные представления М.С. Горбачева и нового поколения советской элиты, которые Коткин называет «социалистическим идеализмом» и «романтизмом». Поэтому вместо консервативной стратегии был избран путь попытки реформ, которые должны были реализовать некий нераскрытый потенциал социализма. Эти реформы и стали причиной гибели СССР.

В работе Коткина, на мой взгляд, интерес представляет в первую очередь попытка поместить СССР в контекст мировых социально-экономических процессов. В остальном взгляды Коткина можно считать новой вариацией старого тезиса о неререформируемости советской системы (которая сумела пережить даже гибель своего государства). В версии Коткина он выглядит более убедительным, но лишь на первый взгляд. Как понимает и сам Коткин, бывшим советским директорам достались в основном не реальные богатства, а лишь свалка, годная для индустриального каннибализма. А вот те части экономики, которые продолжали работать, очень быстро оказались в руках других людей, не связанных со старым менеджментом. И если реформаторы уступили перед силой коррумпированной бюрократии в вопросе о последовательности рыночных реформ, то они почему-то они были успешны в более важной борьбе за самые перспективные куски советской экономики.

Важный составной элемент постиндустриальной модернизации – создание инновационной экономики. Можно ли было добиться инновационного развития экономики в позднем СССР? Это один из вопросов, на которые попытался ответить Лорен Грэхэм⁶² в своей книге «Сможет ли Россия конкурировать?». Как и большинство других упомянутых здесь авторов, его интересуют более широкие временные рамки, чем позднесоветский период. В данном случае он начинает свое исследование с первой половины XIX века. Но довольно много тем, привлечших его внимание, затрагивают интересующий нас период: история авиационной промышленности, изобретение полупроводников, появление ЭВМ и лазеров.

Взгляд Грэхэма на способность СССР и Российской Империи осуществлять инновации достаточно скептичен. Хотя в России XIX-XX веков было совершено много научных открытий, в том числе имеющих прикладное применение, их за редкими исключениями так и не удавалось превратить в успешные инновации. Поскольку вышеуказанная проблема проявила себя ещё в имперскую эпоху, причины её лежали не только в специфических особенностях советской экономической модели (хотя и она вносила свой вклад). Речь идет о комплексе культурных и политических причин. Так, в русской культуре сформировался

⁶¹ Там же. С. 32.

⁶² Лорен Грэхэм, профессор Массачусетского технологического института. По образованию химик, стажировался по обмену в МГУ, после стал писать статьи и книги о советской науке.

взгляд на науку как на некое высокое служение, которое должно быть отделено от низменного коммерческого интереса. Поэтому ученые как правило не стремились к коммерческому успеху за счет своих открытий и часто даже не задумывались о каком-то их практическом применении. Все это сочетается с негативным образом предпринимателя в общественном сознании⁶³. Видимо, это тезис можно считать главной идеей автора, на что намекает и английское название книги, которое можно перевести как «Одинокие идеи».

Но кроме этой проблемы были и другие, институционального свойства. Так, инновациям препятствует авторитарный политический режим. Далее автор приводит ряд примеров, когда крупные ученые и изобретатели пострадали из-за подозрений в неблагонадежности или же неправильного происхождения. Как считает Грэхэм, «российские правители во все времена были более заинтересованы в развитии технологий, которые способствовали наращиванию военной мощи, производили неизгладимое впечатление на наблюдателей или приносили пользу элите, нежели технологий, направленных на улучшение российской экономики в целом»⁶⁴. Здесь с автором трудно согласиться, так как предлагаемое им противопоставление выглядит спорным. Для наращивания военной мощи необходимо экономическое развитие, и по крайней мере руководители советской эпохи это прекрасно понимали, в том числе потому, что этот вопрос разъяснялся в штудируемых ими трудах основоположников марксизма.

Автократическое правительство в разные эпохи упорно боролось за контроль над передвижением населения, что ограничивало пространственную и социальную мобильность. Его вмешательство в экономику либо очень сильно ограничивало возможности инновационного предпринимательства, либо вовсе запрещало его (как это было в советскую эпоху). Результатом стало отсутствие условий для инновационного предпринимательства. Если в США изобретатель мог создать самостоятельное предприятие и попытаться довести свою идею до практического воплощения, в России и СССР он полностью зависел от своего руководства, и если оно не хотело воплощать его идею на практике, то она обречена была оставаться «под сукном».

Вместо наиболее приспособленной для инновационного развития западной патентной системы в России использовались экономически неэффективные альтернативные подходы⁶⁵. В случае с Советским Союзом это было «авторское свидетельство об изобретении», которое ограничивало возможности обогащения за счет изобретений, поскольку было неотчуждаемым и ограничивало размеры выплаты в случае практического использования. На мой взгляд, возможно, самой негативной чертой этой системы было то, что её не признавали в других странах (о чем автор почему-то не упомянул). Лишь в последние годы наметился прогресс в приближении российской системы к западным стандартам (тот факт, что внедрение

⁶³ Грэхэм Л. Сможет ли Россия конкурировать? История инноваций в царской, советской и современной России. М.: Издательство «Манн, Иванов и Фербер», 2014. С. 148-150.

⁶⁴ Там же. С. 156.

⁶⁵ Там же. С. 168-170.

«правильной» системы не привело к росту активности изобретателей, ставит выводы автора в данном конкретном случае под сомнение). Свой вклад вносит и ошибочная институциональная система, отделяющая научные исследования от образования.

К сожалению, когда начинаешь рассматривать тот фактический материал, на основании которого Грэхэм делает свои выводы, обнаруживается слишком вольное обращение автора с фактами. Один из рассмотренных им «кейсов» - история авиапромышленности. Разбирая её, он подробно рассказывает, как И.В. Сталин, увлеченный гонкой за авиационными рекордами, вмешивался в разработку перспективных самолетов, требовал реализации бессмысленных проектов, таких как самолет-гигант «Максим Горький». Из-за сталинской политики в СССР так и не появилось коммерчески целесообразных самолетов. Далее следует резкий переход к нынешнему плачевному состоянию гражданского авиастроения в России, причем главной причиной автору видятся приобретенные в сталинский период вредные привычки⁶⁶. У имеющего минимальные представления об истории советской авиапромышленности человека неизбежно возникает вопрос: а как же целый ряд коммерчески успешных гражданских самолетов, которые в 1960-1980 годы продавались в десятки стран мира, в том числе не входившие в советскую зону влияния? Почему-то вредное влияние тирана (как и весь остальной длинный список причин) не помешало в те годы СССР продавать гражданские самолеты по всему миру. Безусловно, финальный крах гражданской авиапромышленности в бывшем СССР очевиден и не случаен, но он заслуживает более внимательного и менее предвзятого анализа.

Даже с учетом подобных фактических искажений рассуждения Грэхэма выглядят логично. Культурная и институциональная среда в СССР абсолютно не годилась для создания инновационного механизма по типу того, который возник в послевоенный период в США и который с разной степенью успеха потом пытались воспроизводить в других странах. Тот механизм, который сложился в СССР, был реализацией некоторых общемировых тенденций первой половины XX века, которые были ошибочно восприняты как доминирующие. И этот механизм не мог соперничать с американским. Но, учитывая все разобранные Грэхэмом факторы (а также один им пропущенный, но немаловажный – инновационный механизм американского типа требует финансовых вливаний американского масштаба), не был ли советский инновационный механизм наилучшим образом приспособленным к тем условиям, в которых он существовал? Возможен ли был какой-то более выигрышный вариант инновационного механизма? Поскольку все разобранные автором факторы остаются частью нашей социальной реальности, этот вопрос имеет более актуальное значение, чем просто историческое любопытство.

Вопросу нарастающей неспособности СССР преодолеть технологическое отставание в информационных технологиях посвящена первая глава третьего тома

⁶⁶ Там же. С. 73.

исследования Мануэля Кастельса⁶⁷ «Информационная эпоха. Экономика, общество и культура». В ней автор, приведя сначала стандартную аргументацию мейнстримного объяснения провала советской экономики, затем утверждает, что главная проблема СССР была в том, что он упустил начало эпохи информатизации. В качестве аргумента он рассказывает о своем знакомстве с советской электронной промышленностью, в ходе которого он удостоверился в её глубокой технологической отсталости, хотя и отметил высокое качество научного и инженерного персонала. Советский Союз не смог воспроизвести новую технологическую революцию, начатую в западных странах на основании новых информационных технологий⁶⁸. Далее он анализирует причины отставания: негативное влияние военных, которые оказались слишком консервативными потребителями, разрыв между чистой наукой и практикой, надежды на решение проблем за счет импорта и переноса технологии, негибкость плановой экономики. Безусловно, техническая база советской электронной промышленности отставала от западной, но имелись ли в СССР возможности для таких же инвестиций, которые делались в эту отрасль в США? И насколько это отставание сказалось в 1970-е и даже 1980-е годы? Известно, что СССР довольно активно занимался автоматизацией и роботизацией производства. С разработкой персональных компьютеров СССР запоздал, но такой ли большой вклад они вносили в 1980-е годы в экономический рост Запада? Наконец, сама история их разработки показывает ловкость и изворотливость советских инженеров, которым удалось их создать на отставшей технологической базе.

НЕОИНСТИТУЦИОНАЛИЗМ

Как видно из предыдущего изложения, исследуя экономические проблемы, постоянно сталкиваешься с влиянием на них политических институтов. И тут нельзя пройти мимо Дарона Аджемоглу⁶⁹ и Джеймса Робинсона⁷⁰, чьи оригинальные идеи подчеркивают роль политических институтов и элит в развитии и стагнации экономики. Их книга «Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty» (в русскоязычном переводе «Почему одни страны богатые, а другие бедные: происхождение власти, процветания и нищеты») снискала широкую популярность. Возможно, причина в том, что она удобно вписывается и в современный правый, и в современный левый идеологический дискурс. Эта теория может с одной стороны обосновывать американскую исключительность, а с другой – дать аргументы в пользу более «инклюзивной» внутренней политики, в том числе необходимости улучшения положения различных меньшинств. Её польза очевидна и с точки зрения внешней политики США, так как обосновывает необходимость

⁶⁷ Мануэль Кастельс – испанский политик, социолог-постмарксист, в настоящее время министр образования Испании.

⁶⁸ Кастельс М. Кисилева Э. (1999) Кризис постиндустриального этатизма и коллапс Советского Союза // Мир России. №3. С. 20.

⁶⁹ Дарон Аджемоглу (Асемоглу) – американский экономист армянского происхождения, профессор Массачусетского технологического института.

⁷⁰ Джеймс Робинсон – британский экономист и политолог, профессор Гарварда.

распространения либеральной демократии в мире. Возможно, эта идеологическая нагрузка повлияла на некоторую склонность к упрощению, которую можно поставить в упрек этой теории. Но, хотя она и заслуживает критики по многим пунктам, в ней есть рациональное зерно. Оно как минимум в том, что имеют значение не только культура и институты, но и элиты.

Аджемоглу и Робинсон делят все страны на две категории: с инклюзивными и экстрактивными политическими институтами. В первых господствует экономическая и политическая свобода, не ограничивающая людей в доступе к ресурсам и возможности экономической деятельности. В них происходит развитие технологий и стабильный долгосрочный экономический рост. В странах с экстрактивными политическими институтами у власти находится жадная элита, монополизирующая власть и экономические возможности, озабоченная тем, чтобы выжать из своих сограждан как можно больше средства, опираясь на инструменты политического господства. В таких странах экономический рост тоже иногда возможен, но редко и в историческом масштабе недолго. «Экономический рост и процветание приходят вместе с инклюзивными политическими и экономическими институтами, тогда как экстрактивные институты ведут к стагнации и нищете»⁷¹.

Экстрактивные и инклюзивные институты в разных областях склонны поддерживать другие институты того же типа. Поэтому какие-то промежуточные, переходные формы от одного к другому встречаются редко, как и мягкий переход между ними. Чаще всего общества сильно зависят от прошлого, в котором его движение пошло в одну или в другую сторону, причем порой по случайным или малозначительным причинам. Например, инклюзивная система в США начала формироваться из-за отсутствия золота в зоне английской колонизации в Северной Америке. Но если система уже сформировалась, то обычно для перехода требуется уникальное событие, которое автор называет точкой перелома⁷². Это может быть чума, начало колонизации нового континента или революция (хотя в последнем случае часто одна тирания просто меняется на другую).

Не избежали авторы необходимости высказаться об экономической истории Советского Союза. С их точки зрения это был пример того, как экстрактивная система может обеспечить высокие темпы роста, но этот рост не будет стабильным. Причина затухания экономического роста в том, что экстрактивные институты не могут поддерживать непрерывные технологические инновации, которым препятствует не только отсутствие экономических стимулов, но и сопротивление элит⁷³. Советская система не могла создать таких стимулов, которые «заставили бы работника мыслить и породить новые идеи»⁷⁴. Более того, нацеленная на экстрактивный рост система не могла допустить, чтобы люди начали реализовывать свои таланты и выдвигать новые идеи. Здесь мне как исследователю хочется поспорить с авторами, поскольку мое изучение работы советской

⁷¹ Там же. С. 209.

⁷² Там же. С. 239-240.

⁷³ Там же. С. 283.

⁷⁴ Там же. С. 292.

промышленности показывает, что как раз с задачей мотивировать людей «мыслить и порождать новые идеи» она справлялась хорошо⁷⁵ (но этого не достаточно для эффективного инновационного механизма), в том числе и за счет неоднозначного института «авторского свидетельства», который уже обсуждался выше. Более того, если бы советская элита действительно не хотела, чтобы люди на работе проявляли свои таланты, выдвигая новые идеи, то таких новых идей и не появлялось бы, примером чему может служить экономика современной России. Нам же источники времен позднего СССР доносят многочисленные жалобы на то, что перспективные идеи работников не реализуются из-за равнодушия бюрократии. Сейчас таких жалоб мы не встречаем, потому что никаких идей работниками не предлагается.

Понятно, что любая теория, делящая государства на два типа, заслуживает уже только за это изрядную порцию критики⁷⁶. Хуже того, если для инклюзивного государства в качестве модели были выбраны США, то модельным экстрактивным государством оказалась Мексика. Из-за этого получившаяся модель подходит в первую очередь для латиноамериканских и африканских стран (а также для некоторых стран, возникших в результате распада СССР). Но уже азиатские страны с их «диктатурами развития» помещаются в эту бинарную модель с трудом, автору приходится постоянно делать оговорки. А в случае с социалистическими странами возникает ещё больше вопросов. В частности, почему социалистические режимы постоянно и очень сильно ограничивали своей элите возможности самообогащения (ради которого, по теории Аджемоглу и Робинсона, эти режимы и должны существовать), почему они проводили политику, расширяющую для не входящих в элиту людей доступ к образованию и карьере? Другое важное упущение модели Аджемоглу и Робинсона – вопрос о взаимодействии стран двух типов в мировой экономике. Если уж мы говорим о диктаторах Африки и Латинской Америки, то их режимы существуют не сами по себе, и их элиты не просто так накапливают богатства. Более того, они извлекают ресурсы из своего населения «экстрактивными методами» не только и не столько для себя, эти ресурсы и деньги потом уходят из их стран и попадают в мировую экономическую систему. Составной частью благополучия и прогресса «стран с инклюзивными институтами» были и остаются финансовые потоки и потоки ресурсов из «стран с экстрактивными институтами».

ЭЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

В нашей работе мы постоянно сталкиваемся с бюрократией, правящим слоем, властью, элитой. И, возможно, ответы на наши вопросы нам может дать изучение истории советской элиты. На помощь нам тут приходит несколько авторов, которые очень по-разному описывают это явление, но всё же в этих описаниях есть общие черты. Все они считают процессы, происходившие в

⁷⁵ Ермолов А.Ю. Государственное управление военной промышленностью в 1940-е годы: танковая промышленность. СПб.: Алетейя, 2013. С. 291-299.

⁷⁶ Более подробная критика идей Аджемоглу: Арсланов В.В. География, институты и история глобального неравенства: критика концепции экономического развития Аджемоглу и Робинсона. М.: Институт Экономики РАН, 2016.

советской элите, ключевыми для понимания истории Советского Союза. И их взгляды основаны на тщательном изучении советских архивных документов. И если мы примем эти взгляды, то получается, что сам дискурс об экономических реформах меняет смысл, потому что их судьба зависела не от потенциального позитивного воздействия на экономику, общество, государство, а от динамики взаимодействия элитных слоев и группировок.

Насколько связаны советские элиты и нелегкая судьба социалистической экономики? Не выходит ли тут изложение за рамки темы? Я считаю, связь очень сильна. В качестве примера приведу проблему взаимоотношений между местными региональными элитами и промышленными предприятиями. Не секрет, что во многом местная власть пользовалась ресурсами предприятий для решения каких-то своих задач, от улучшения социального положения в регионе до повышения личного комфорта. Фактически в СССР действовал неформализованный натуральный налог с промышленных предприятий в пользу местной элиты. За счет этого налога создавалась социальная инфраструктура, но и загородные резиденции секретарей обкомов возводились из тех же кирпичей и досок. Этот налог собирался в виде рабочей силы, стройматериалов, автомобильных перевозок, бензина и т.д. и не учитывался централизованным планированием и распределительной системой (что само по себе ставит под сомнение возможность существования плановой экономики в СССР). Это лишь один из факторов, показывающих, насколько состояние экономики зависело от баланса сил внутри элиты.

Книга Арча Гетти⁷⁷ «Практика сталинизма: большевики, бояре и неумирающая традиция» отличается несколько эпатажным стилем изложения. Уже название намекает нам, что автор будет искать корни советской системы очень глубоко. С его точки зрения, эту систему можно кратко описать так: «клан царя или верховного руководителя главенствовал над сетью подчиненных кланов, которые сообща правили страной, опираясь на личные связи и верность, а не на закон»⁷⁸. Это началось ещё с киевских князей, и продолжается после распада СССР, когда «Ельцин, подобно настоящему московскому князю, действительно собрал вокруг себя родственников и свойственников. Так Россией всегда и управляли»⁷⁹. Впрочем, не только Россией. «Политические кланы, слабость институтов, персонализированная политика доминируют почти всюду». Современное общество существует лишь в немногих странах «по обе стороны Ла-Манша» и там, где оно оттуда было пересажено⁸⁰.

Гетти называет такую систему патримониальной, ссылаясь на Макса Вебера, хотя его модель патримониального государства от модели Вебера принципиально отличается. Веберовское патримониальное государство – это государство, превращенное в персональную собственность правителя и управляемое как персональная собственность (за образец модели были явно взяты княжества

⁷⁷ Джон Арчибалд Гетти III – американский историк, профессор Калифорнийского университета в Лос-Анжелесе, изучал историю Большого террора, относит себя к историкам-ревизионистам.

⁷⁸ Гетти А. Практика Сталинизма: большевики, бояре и неумирающая традиция. М.:РОССПЭН, 2016. С. 276.

⁷⁹ Там же. С. 277.

⁸⁰ Там же. С. 300.

Священной Римской Империи). По Гетти же правит не правитель, а кланы, то есть государство тут превращается в коллективную добычу. Кроме того, Гетти считает, что на самом деле нет противоречия между тенденцией к «рационализации» государства и сохранением патримониальной системы власти (то есть власти элитных кланов)⁸¹. Поэтому клиентеллизм и патримониальность вовсе не обречены на историческую гибель, и даже укрепление институтов их не остановит.

Конечно, радикализм формулировок Гетти кажется слишком экстравагантным. Он сам в заключении делает оговорки, что не считает, что общество в России в разные периоды её истории не менялось, и признает, что Российская империя, СССР и Российская Федерация имели разную идеологию, социальную структуру и экономику. Но эта оговорка не снимает другие вопросы, мимо которых он прошел. Прежде всего, почему элита, опираясь на похожие институты, в разные исторические периоды вела себя по-разному, в том числе по-разному влияла на экономическое развитие? Допустим, подмеченные Гетти черты сходства между «путинской» и «сталинской» элитой действительно имеет место, но почему путинские чиновники и олигархи ведут себя по отношению к стране и экономике не так, как сталинские наркомы? И почему те же сталинские наркомы действовали в 1940-е годы не так, как в 1970-е?

Другое интересное исследование о советской элите – книга Дж. Истера⁸² «Советское государственное строительство. Система личных связей и самоидентификации элиты в Советской России» тоже исследует элиту раннего советского периода, но содержит выводы, ориентированные на более широкий контекст. Изучая поведение ранней советской элиты, Истер пришел к выводу, что решающее значение для неё имела система личных связей, благодаря которой в распоряжение её членов поступали «неформальные ресурсы власти»⁸³. Наличие этих ресурсов было необходимо, чтобы поддерживать власть в условиях слабости государственного аппарата. Поскольку советское государство в первую половину своей жизни было слабым, то такого рода неформальные ресурсы и сети были жизненно важны для его существования. Неформальные связи и личная взаимопомощь оказали положительное влияние на способность советского государства к территориальному управлению.

Но и после того, как государственные институты укрепились, эта система продолжила существовать в новых условиях, но роль её недооценивалась исследователями. «Из-за существовавшего у страноведов представления, что сила государства либо в официальных органах сверху, либо в социальных силах снизу, они не видели основных ограничений на власть, созданных переплетением неформальных систем личных взаимоотношений с официальными организационными структурами»⁸⁴. Это, по мнению Истера, заставляет задуматься о правильности современных представлений о государственном строительстве,

⁸¹ Там же. С. 281.

⁸² Джеральд Истер – доцент факультета политологии Бостонского колледжа.

⁸³ Истер Дж. М. Советское государственное строительство. Система личных связей и самоидентификация элиты в Советской России. М.: РОССПЭН, 2010. С. 194.

⁸⁴ Там же. С. 200.

которые противопоставляют укрепление официальных институтов и силу неформальных сетей. Он также обращает внимание на то, что сети личных связей были характерной чертой управления многих государств на этапе их становления, в том числе Израиля и Китайской Народной Республики.

Впрочем, у элитных групп в раннем и позднем СССР помимо сходных черт было и существенное отличие. В ранний период элитные сети были ориентированы во вне, то есть тянулись за пределы органов, структур и территорий, связывая их друг с другом. В позднем СССР группы были ориентированы вовнутрь, то есть представляли собой замкнутые в своем ведомстве или регионе кланы. Как считает Истер, это стало одной из важнейших предпосылок развала СССР. При Сталине сформировалось две альтернативы дальнейшего развития советской системы, соединявшей деспотическую верховную власть и неформальные сети этажом ниже. Либо протокорпоративный режим с упорядоченной и контролируемой властью наверху и персонифицированной и бесконтрольной «инфраструктурной властью» внизу, либо бюрократический абсолютистский режим с контролируемой и рационализируемой «инфраструктурной властью» и бесконтрольной персонифицированной верховной властью⁸⁵. Первоначально в конфликте победила вторая альтернатива. Но эта победа не стала окончательной. После отставки Хрущева наоборот, первая альтернатива возоблала над второй. Наконец, реформы Горбачева стали борьбой против этой первой альтернативы, и эта борьба привела советскую систему к гибели. Так же, как и Гетти, Истер считает, что система личных связей успешно пережила развал и демонтаж официальных структур и успешно обосновалась в современной России.

Особое внимание сторонники элитологического подхода уделяют репрессиям (и, шире, политической борьбе, в том числе подковёрной) против элиты в сталинский период. Для Истера это была схватка между двумя альтернативными моделями патримониальной системы. Региональные руководители не смогли вовремя устранить Сталина, а вот центральная власть, напротив, сумела многое сделать, чтобы лишить их неформальных ресурсов. Но после победы она не отказалась от прежних практик полностью, а лишь сделала местные сети более зависимыми от центральной власти.

Как считает Дж. Хоскинг, сталинский террор был направлен против кланов и «посреднических сетей», но «система зависела от них, поэтому в конечном счете он был обречен на неудачу... однако сначала причинил огромные страдания и уничтожил множество отдельных людей, но не систему»⁸⁶.

В ещё одном исследовании о советской элите, книге Эвана Модсли⁸⁷ и Стивена Уайта⁸⁸ «Советская элита от Ленина до Горбачева», авторы утверждают,

⁸⁵ Там же. С. 196-197.

⁸⁶ Hosking G. Patronage and the Russian State// Slavonic and East European Review. 2000. Vol. 78. № 2. P.317-318.

⁸⁷ Эван Модсли, британский историк, преподавал в Университете Глазго в Шотландии. изучает Историю СССР и Второй Мировой войны.

⁸⁸ Стивен Уайт – профессор политологии университета Глазго. Автор книги о внешней политике России.

что первое поколение советской элиты к середине 1930-х фактически стало несменяемым, и без каких-либо экстренных жестких мер могло бы оставаться несменяемым ещё десятилетия. Фактически сменить её можно было только путем физического уничтожения⁸⁹. С помощью Большого террора Сталин смог этого добиться, но не создал механизмов, которые обеспечили бы смену поколений элиты. Фактически произошла просто замена одной элиты на другую. Новая элита постепенно стала такой же сплоченной и несменяемой, как и предыдущая. Чтобы ввести в элиту новых людей, нужно было расширять число привилегированных должностей. Экономические проблемы и стагнация в технологическом развитии были результатом этого кадрового застоя. «В период с 1960-х – 1980-х гг. интересы элиты возобладали, и вся система в известной степени была нацелена на их удовлетворение»⁹⁰. В конечном итоге Горбачев попытался его преодолеть. Он устранил многих представителей старой элиты, но не смог сформировать новую элиту из людей, рожденных после 1940 года, что предопределило результаты его правления. Возможно, более быстрое выдвижение представителей третьего и четвертого поколения советской элиты придало бы системе большую адаптивность и позволило ей выжить, но этого не случилось. Вместо этого борьба между Горбачевым и элитой привела к краху системы. Модсли и Уайт оставляют открытым вопрос, в какой степени новая элита России была преемственной по отношению к советской. Они указывают на то, что многие элитарии советской эпохи заняли в 1990-е важные позиции в политической системе Российской Федерации, а также на «комсомольскую экономику», из которой выросли российские олигархи. Но все же авторы склонны говорить не о полной преемственности, а о частичной смене элит⁹¹. Коммунистическую элиту убедили поделиться властью под давлением народа, но в посткоммунистической России вопрос стоит не только о власти, но и о сохранении собственности и безопасности от наказания за совершенные преступления. Поэтому маловероятно, что элиты будут уступать позиции под давлением демократического избирательного процесса.

Как и большинство других направлений, элитологическое считает советскую систему не поддающейся реформированию. Но на фоне всех остальных её выводы наиболее печальны. Ведь согласно этим теориям, главный фактор, сделавший СССР неререформируемым и погубивший его, пережил его гибель и по-прежнему влияет на нашу жизнь. Не придется ли следующему поколению историков писать о неререформируемости Российской Федерации?

⁸⁹ Модсли Э., Уайт С. Советская элита от Ленина до Горбачева. Центральный комитет и его члены. 1917-1991. М.: РОССПЭН, 2011. С. 381.

⁹⁰ Там же. С. 389.

⁹¹ Там же. С. 407.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Что можно сказать в заключение этого обзора, кроме стандартной фразы о том, что тема нуждается в дальнейшем исследовании? Очевидно, что надо смотреть и глубже, и шире. Надо продолжать изучать оставшиеся от эпохи источники. И одновременно необходимо смотреть на проблемы СССР не только как на экономические, но и как на социальные и политические. И особенно полезным, мне кажется, будет обратить внимание на элиту. Надо признать, что имеют право на жизнь не только принципы «культура имеет значение» и «институты имеют значение», но и «элита имеет значение». И не всегда это значение положительное.

После распада СССР прошло 30 лет, но единства мнений о его причинах нет. Хотя, казалось бы, если не брать в расчет бывший СССР, проблему изучает не так уж много людей. Конечно, все согласны с тем, что какую-то роль в нем сыграли экономические трудности. Но как оценить эту роль по силе влияния? Какие именно это были трудности? В чем были корни этих трудностей? Что препятствовало реформированию системы? В ответах на этот вопрос нет единства. Каждый видит какие-то свои важные факторы, но не видит другие. Какую-то роль в оценках, конечно, неизбежно играет идеология, какую-то ещё – внутренняя жизнь научного сообщества, противостояние разных его направлений, но значительно важнее, как кажется, является предыдущая исследовательская деятельность, то какие вопросы человек изучал до того, как счел необходимым высказаться по разбираемой здесь проблеме. В том числе могут иметь значение даже темы, не связанные непосредственно с поздним СССР или вообще Россией (как история сталелитейной промышленности повлияла на Р. Аллена). А поскольку у каждого свой уникальный багаж, то и объяснения выдвигаются свои.

Впрочем, является ли такое положение ненормальным? В конце концов, гибель Римской империи обсуждают и более интенсивно, и куда дольше. В результате этого изучения в 1984 году немецкий историк А. Демандт установил, что мировым интеллектуальным сообществом было предложено 210 объяснений падения Рима⁹². Он расставил их в алфавитном порядке, начиная с абсолютизма и заканчивая эскапизмом. С тех пор список продолжал пополняться. Догонит ли СССР Римскую империю?

⁹² Demandt Alexander. Der Fall Roms: Die Auflösung des römischen Reiches im Urteil der Nachwelt. Munich: C. H. Beck. 1984.

ЛИТЕРАТУРА

Аджемоглу Д., Робинсон Д. (2016). Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ.

Аллен Р.С. (2013) От фермы к фабрике: новая интерпретация советской промышленной революции. М.: РОССПЭН.

Арсланов В.В. (2016) География, институты и история глобального неравенства: критика концепции экономического развития Аджемоглу и Робинсона. М.: Институт Экономики РАН.

Воскобойников И.Б., Дрябина Е.В. (2010) Историческая статистика основных фондов российской промышленности в 1970-2004 годах//Вопросы статистики. №3.

Гайдар Е.Т. (2006) Гибель империи: уроки для современной России. М.: РОССПЭН.

Гетти А. (2016) Практика Сталинизма: большевики, бояре и неумирающая традиция. М.:РОССПЭН.

Гловели Г.Д. (2009) Геополитическая экономия в России: от дискуссии о самобытности к глобальным моделям (XIX-в. – первая треть XX в.). СПб.: Алетейя.

Грегори П. (2006) Политическая экономия сталинизма. М.: РОССПЭН.

Грегори П. (2014) Почему развалилась советская экономика// Вестник Европы. № 38-39.

Грэхэм Л. (2014) Сможет ли Россия конкурировать? История инноваций в царской, советской и современной России. М.: Издательство «Манн, Иванов и Фербер».

Ермолов А.Ю. (2013) Государственное управление военной промышленностью в 1940-е годы: танковая промышленность. СПб.: Алетейя.

Запарий В.В. (2007) Черная металлургия Урала в 70-е гг. XX века. Екатеринбург: Изд-во УМЦ-УПИ.

Истер Дж. М. (2010) Советское государственное строительство. Система личных связей и самоидентификация элиты в Советской России. М.: РОССПЭН, 2010.

Кастельс М. Кисилева Э. (1999) Кризис постиндустриального этатизма и коллапс Советского Союза //Мир России. №3.

Коткин С. (2018) Предотвращенный армагеддон. Распад Советского Союза, 1970-2000. М.: Новое литературное обозрение.

Левин М. (2008) Советский век. М.: Издательство «Европа».

Ли Шеньмин. (2012) Разложение КПСС – коренная причина распада СССР // Над этим размышляет история. Заметки к 20-летию распада СССР. Пекин: Social Sciences Academic Press (China).

- Малиа М. (1997) Из-под глыб, но что? // Отечественная история. № 5.
- Малиа М. (2002) Советская трагедия. История социализма в России. 1917—1991. М.: РОССПЭН.
- Мизес Л. (1992) Социализм: экономический и социологический анализ. М.: Catallaxy, 1993;
- Модсли Э., Уайт С. (2011) Советская элита от Ленина до Горбачева. Центральный комитет и его члены. 1917-1991. М.: РОССПЭН.
- Ореховский П.А. Структуры когнитивности и российские реформы. М.: Институт экономики РАН, 2019.
- Хайек Ф. А. (1992) Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М.: Новости.
- Хе Геньяна. (2012) Прозападная ориентация экономической науки – одна из важнейших причин распада СССР: размышления над программой «500 дней»// Над этим размышляет история. Заметки к 20-летию распада СССР. Пекин: Social Sciences Academic Press (China).
- Чень Чжихуа. (2012) Новые размышления над резкими изменениями, произошедшими в СССР // Над этим размышляет история. Заметки к 20-летию распада СССР. Пекин: Social Sciences Academic Press (China).
- Acemoglu, Daron; Robinson, James A. (2012). Why Nations Fail. The Origins of Power, Prosperity, and Poverty. New York: Crown Business.
- Allen R.C. (2003) Farm to Factory: A Reinterpretation of Soviet Industrial Revolution. Princeton, Princeton University Press.
- Allen R.C. (1979) International competition in Iron and Steel, 1850-1913//Journal of Economic History. Vol. 39.
- Berliner J.S. (1976) The Innovation Decisions in Soviet Industry. Cambridge; Mass.: The MIT Press.
- Castells M. (1998) The End of the Millennium, The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. III. Cambridge, MA; Oxford, UK: Blackwell.
- Easter G.M. (2007) Reconstructing the State. Personal Networks and Elite Identity in Soviet Russia. Cambridge. Cambridge University Press.
- Easterly W. Fischer S. (1995) The Soviet Economic Decline // World Bank Economic Review. Vol. 9.
- Ellman M. (2004) Soviet Industrialization: A Remarkable Success? // Slavic Review. Vol. 63, No. 4.
- Getty J. A. (2013) Practicing Stalinism: Bolsheviks, Boyars, and the Persistence of Tradition. Yale: Yale University Press.

Graham L. (2013) *Lonely Ideas: Can Russia Compete?* Cambridge, London: The MIT Press.

Gregory P.R. (2004) *The Political Economy of Stalinism. Evidence from the Soviet Secret Archives.* Cambridge: Cambridge University Press.

Hosking G. (2000) *Patronage and the Russian State*// Slavonic and East European Review. Vol. 78. № 2.

Jensen M., Meckling W. (1976) *Theory of the Firm. Managerial Behavior, Agency Costs and Ownership Structure* // Journal of Financial Economics. Vol.3, № 4.

Kotkin S. (2008) *Armageddon averted. The Soviet Collapse, 1970-2000.* Oxford: Oxford University Press.

Lewin M. (2005) *The Soviet Century.* London: Verso.

Malia M. (1994) *The Soviet Tragedy: A History of Socialism in Russia, 1917—1991.* New York: The Free Press.

Mawdsley E., White S. (2000) *The Soviet Elite from Lenin to Gorbachev: The Central Committee and its Members, 1917-1991.* Oxford: Oxford University Press.

Weitzman M. L. (1970) *Soviet Postwar Economic Growth and Capital-Labor Substitution* // American Economic Review. № 5 (60).

ОБ АВТОРЕ

Ермолов Арсений Юрьевич, старший научный сотрудник Института Экономика РАН, кандидат исторических наук. В 2000 окончил исторический факультет Московского Государственного Университета им. М.В. Ломоносова. В 2003 защитил диссертацию по теме «Народный комиссариат танковой промышленности в годы Великой Отечественной войны: организация и деятельность».

Научные интересы: история военной промышленности, военная история, история индустриализации, мир-системный анализ, история мировой торговли, неомальтузианство, экологическая история.